

Государственный
Библиотечный
С. С. С. П.
И. Е. А. Великая

МОСКОВСІЯ ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 8-й.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА,

Февраля 22-го.

Подписная цена: без доставки на годъ
3 р. 50 к., на полгода 2 р., на 3 мѣсяца
1 р., на 1 мѣсяць 40 к.

Съ доставкой и пересылкою на годъ 5 р.,
на полгода 3 р., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к.,
на 1 мѣсяць 1 р.

Отдѣльные №№ по 10 копѣекъ.

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА

ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІА.

Адресъ редакціи: Якиманка, приходъ
церкви св. Петра и Павла, квартира священ-
ника Іоанна Феодоровича Мансветова.

Объявленія принимаются: за строку, или
мѣсто строки за 1 разъ 15 к., за 2 раза 25 к.,
за 3 раза 30 к., на годъ по особому условію.

Отъ Совѣта Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія.

Въ Среду 25-го сего февраля въ 7 часовъ вечера,
въ залѣ Епархіальной бібліотеки, на Петровкѣ,
имѣетъ быть очередное собраніе Общества Любите-
лей духовнаго просвѣщенія.

Вниманію присутствующихъ предложено будетъ
чтеніе:

В. Ѡ. Комаровымъ: «Современныя задачи цер-
ковнаго пѣнія»:

I) Современное положеніе церковнаго пѣнія сравнительно съ
предшествующимъ. II) Мало изслѣдованная сторона церковныхъ
напѣвовъ—ихъ русская народность. Слѣды ея въ гаммѣ мело-
діи, гармоніи и въ особенности въ ритмѣ. Въ чемъ проявляет-
ся русскій ритмъ церковныхъ пѣнопѣній. III) Значеніе народ-
ности въ церковномъ пѣніи. Главная задача, отсюда вытекающая.
Прочія задачи церковнаго пѣнія. Для разъясненія и подтвержде-
нія важнѣйшихъ положеній лекторомъ нѣкоторые образцы бу-
дутъ показаны съ голоса.

Среди чтенія будетъ промежутокъ въ 10 минутъ.

Предъ собраніемъ будетъ отслужена панихи-
да по въ Вozѣ почившихъ: Попечителѣ Общества
Высокопреосвященнѣйшемъ Митрополитѣ Сергіѣ,
Почетныхъ Членахъ: Митрополитѣ Сербскомъ Ми-
хаилѣ и Протоіерей Гр. П. Смирновѣ-Платоновѣ.

Совѣтъ Общества симъ имѣетъ честь просить Чле-
новъ Общества пожаловать въ означенное собраніе.

ПАМЯТИ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО СЕРГІА,

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Въ среду 11-го сего февраля въ пятомъ часу дня тихо
скончался Высокопреосвященнѣйшій Сергіи, Митрополитъ Мо-
сковскій и Коломенскій.

По сообщенію *Правительственнаго Вѣстника*, на до-
несеніи о семъ г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Его
Императорскому Величеству Государю Императору благоугодно
было начертать:

„Глубоко сожалѣю о кончинѣ этой почтенной
и свѣтлой личности. Большая потеря для нашей
Церкви, а также для Москвы“.

Въ Вozѣ почившій Высокпреосвященнейшій Митрополитъ
Сергіи, въ міру Николай Яковлевичъ Ляпидевскій, родился
9 мая 1820 года, въ городѣ Тулѣ, гдѣ его отецъ, Яковъ
Стефановичъ, былъ настоятелемъ церкви Рождества Божіей
Матери, а впослѣдствіи — кафедральнымъ протоіереемъ при
мѣстномъ Успенскомъ соборѣ. Въ 1834 году Николай Яков-
левичъ поступилъ сначала въ тульскую, а потомъ въ виаан-
скую семинарію, гдѣ и жилъ у ея преподавателя, родного своего
дяди, Павла Стефановича Ляпидевского, состоявшаго затѣмъ
долгое время настоятелемъ Московской Скорбященской, что на

Ордынкѣ, церкви. Черезъ два года Николай Яковлевичъ перешелъ въ тульскую семинарію, по окончаніи курса въ которой былъ отправленъ, въ числѣ лучшихъ учениковъ, въ московскую духовную академію въ 1840 году. Передъ началомъ выпускныхъ экзаменовъ, въ 1844 году, онъ изъявилъ желаніе принять монашество и былъ постриженъ 24 іюня 1844 г., съ нареченіемъ имени—Сергій. 20 іюля онъ былъ посвященъ въ іеродіакона, а 6 августа того же года въ Бозѣ почившимъ митрополитомъ Филаретомъ былъ посвященъ въ іеромонаха. Тогда же онъ написалъ свой первый ученый трудъ, подъ заглавіемъ „О поминовеніи усопшихъ“, за который и получилъ степень магистра богословія.

Приспомятанный святитель Филаретъ обратилъ особое вниманіе на молодого іеромонаха, и, по его ходатайству, іеромонахъ Сергій былъ утвержденъ 30 октября 1844 года Св. Синодомъ въ званіи бакалавра московской духовной академіи по кафедрѣ нравственнаго и пастырскаго богословія. Съ 25 апрѣля 1848 года онъ соединилъ вмѣстѣ съ профессорскою дѣятельностью исполненіе обязанностей инспектора академіи; 15 января 1850 года за ревностную службу возведенъ въ санъ архимандрита и, наконецъ, 4 октября 1857 г. занялъ постъ ректора Академіи, управляя вмѣстѣ съ тѣмъ Московскимъ Высокопетровскимъ монастыремъ (съ 8 апрѣля 1858 г.), а потомъ Заиконоспасскимъ (съ 8 августа 1859 года).

Продолжительная служба архимандрита Сергія ознаменовалась также и его учено-литературными трудами, обратившими на себя особое вниманіе митрополита Филарета. На страницахъ академическаго журнала „Творенія св. отцовъ“ въ отдѣлѣ „Прибавленій“ имъ были напечатаны слѣдующіе труды: „О побужденіяхъ къ исполненію нравственнаго закона“, „О клятвѣ“, „О терпѣніи въ молитвѣ“, „О любви къ Богу“, „О произвольныхъ обѣтахъ“, „О таинствѣ елеосвященія“, „Объ исхожденіи Святаго Духа“, „Вракъ и безбрачіе духовныхъ“, „Отвѣтъ на письма князя писателя относительно латинскаго ученія о папѣ“. Всѣ эти труды отличаются образцовымъ слогаемъ, ясностью и логическою послѣдовательностью мысли и, въ особенности, обнаруживаютъ въ авторѣ глубокую начитанность въ свято-отеческихъ твореніяхъ, которыя представляли для молодого ученаго предметъ самаго тщательнаго изученія.

Административные и учено-богословскіе труды архимандрита Сергія обратили на себя вниманіе митрополита Филарета, который въ ноябрѣ 1860 года указалъ на него, какъ на кандидата, вполне достойнаго и способнаго для занятія самостоятельной епископской кафедрой въ Курскѣ. Просьба Владыки была уважена, и 3 декабря 1860 года послѣдовалъ Высочайшій указъ „о бытіи ректору московской духовной академіи архимандриту Сергію епископомъ Курскимъ и Вѣлгородскимъ, съ тѣмъ, чтобы нареченіе и хиротонія во епископа были совершены въ Москвѣ“. 30 декабря 1860 года въ помѣщеніи московской Святѣйшаго Синода конторы было совершено нареченіе его во епископа, въ присутствіи митрополита Филарета, архіепископа ярославскаго Евгенія и епископа Дмитровскаго Леониды. 1 января 1861 года митрополитъ Филаретъ съ прочими епископами, присутствовавшими при нареченіи, совершилъ хиротонію архимандрита Сергія во епископа во время литургіи въ Большомъ Успенскомъ соборѣ, а 4 января епископъ Сергій уже уѣхалъ изъ Москвы въ Курскъ. Здѣсь онъ обратилъ особенное вниманіе на устройство церквей, при чемъ на собранія имъ лично средства въ

Курскѣ сооруженъ соборный Воскресенскій храмъ въ Знаменскомъ монастырѣ, стоившій около 100.000 руб. Занятый многосложными епархіальными дѣлами, Владыка находилъ время и для постояннаго проповѣданія слова Божія; проповѣди его въ обиліи печатались тогда на страницахъ *Душеполезнаго Чтенія* и потомъ въ 1870 г. изданы были отдѣльно („Слова и рѣчи Сергія, епископа Курскаго. М. VII+679 стр.).

Въ исходѣ 1879 года Высокопреосвященный Сергій былъ назначенъ на высшую кафедру въ Казань, съ возведеніемъ въ санъ архіепископа. Отсюда онъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, вызываемъ въ Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ и предсѣдательствованія въ особой комиссіи по составленію новаго устава духовныхъ академій. Въ 1882 г. (21 авг.), по собственному желанію, для пользованія южнымъ климатомъ, Высокопреосвященный Сергій перемѣщенъ былъ въ Кишиневъ. Въ 1883 году онъ былъ вызванъ въ Москву и принималъ участіе въ священномъ Коронаваніи въ Бозѣ почившаго Императора Александра III; въ этомъ же году онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 2 степени, а въ 1886 году орденомъ св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Въ 1889 году онъ былъ награжденъ брилліантовымъ крестомъ для ношенія на клобукѣ, а 12 января 1891 года онъ былъ назначенъ архіепископомъ Одесскимъ и Херсонскимъ. Въ Одессѣ, по его ходатайству, учреждена эмеритурная касса для духовенства Херсонской епархіи. Здѣсь же Высокопреосвященный Сергій предоставилъ мѣстному Андреевскому братству право издать въ пользу братства всѣ свои „Сочиненія“, а также „Слова и рѣчи“, которыя вышли въпослѣдствіи вторымъ изданіемъ въ двухъ томахъ. Это изданіе было встрѣчено такими знатоками дѣла, какъ проф. Кіевской дух. Академіи В. Θ. Пѣвницкій, съ самымъ горячимъ сочувствіемъ, какъ выдающійся вкладъ въ нашу проповѣдническую литературу.

15-го, мая 1893 года Высокопреосвященный Сергій былъ назначенъ членомъ Св. Синода, а 8 августа того же года назначенъ митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, при Высочайшемъ рескриптѣ, гдѣ, между прочимъ, было сказано: „Многолѣтнее, благоплодное для церкви святительское служеніе ваше подаетъ Мнѣ несомнѣнную надежду, что вы, какъ ближайшій свидѣтель трудовъ и подвиговъ приспомятаго митрополита Филарета, шествую по стопамъ великаго ревнителя православія и благочинія церковнаго, окажете себя на семъ высшемъ поприщѣ священнаго служенія достойнымъ преемникомъ доблестныхъ іерарховъ первопрестольной столицы, мудрымъ руководителемъ духовенства въ дѣлѣ пастырскаго служенія его въ церкви и школѣ и ревностнымъ охранителемъ древнихъ церковныхъ уставовъ, кои такъ дороги и любезны православному русскому народу“...

О томъ, какъ почившій Владыка оправдалъ эти надежды Государя Императора Александра III, знаетъ вся Москва. Не станемъ распространяться о дѣятельности Высокопреосвященнѣйшаго Сергія на Московской кафедрѣ: все это было слишкомъ недавно, и она, можно сказать, еще у всѣхъ на глазахъ. Архипастырское служеніе новопоставленнаго Владыки въ Москвѣ достаточно охарактеризовано и оцѣнено въ помѣщаемыхъ въ настоящемъ № надгробныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ при его отпѣваніи и погребеніи, а также въ отзывѣхъ печати, изъ которыхъ мы и дѣлаемъ ниже соотвѣтствующія извлеченія*).

*) Последняя статья отлагается, за недостаткомъ мѣста, до слѣдующаго №.

Кромѣ вышеозначенныхъ знаковъ отличій до ордена св. Александра Невскаго съ алмазными украшеніями включительно, Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Сергій имѣлъ еще драгоценный брилліантовый крестъ для носенія на митрѣ. Покойный Владыка состоялъ почетнымъ членомъ всѣхъ духовныхъ академій, Новороссійскаго университета, Одесскаго благотворительнаго Общества, Прибалтійскаго Богоявленскаго братства, Андреевскаго братства при Одесской семинаріи и другихъ благотворительныхъ учрежденій.

Давно уже ходили по Москвѣ тревожные слухи о вызывающемъ серьезныя опасенія состояніи здоровья Высокопреосвященнаго Сергія, Митрополита Московскаго. По газетнымъ извѣстіямъ, въ 20-хъ числахъ января ему стало значительно лучше, онъ, послѣ кризиса, началъ оправляться, и, какъ теперь извѣстно, сталъ уже собираться въ Москву; назначенъ былъ и день выѣзда изъ Петербурга, — именно 11 февраля, какъ вдругъ смерть пресѣкла его жизнь. Вотъ что извѣстно о послѣднихъ дняхъ жизни Владыки. Высокопреосвященнаго Сергія лечилъ въ Петербургѣ докторъ Н. Ф. Келдышъ, который приглашалъ на консультацію доктора Сиротинина. Въ послѣднихъ числахъ января пріѣхалъ изъ Москвы докторъ Никольскій и былъ безотлучно при митрополитѣ. 11-го февраля Владыка занимался дѣлами, въ присутствіи г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцева и его товарища В. К. Саблера, дѣлалъ разныя распоряженія и подписывалъ бумаги. Въ 11 час. 10 мин. утра митрополита оставили его посѣтителі. Онъ прилежъ отдохнуть въ кабинетѣ на диванѣ. Вскорѣ обнаружилась сердечная усталость, и Владыка минутами сталъ впадать въ забытѣе. Вскорѣ, какъ угрожающій припадкомъ привлекъ, появились боли въ лѣвой рукѣ, и въ 4 часа 17 мин. по полудни Высокопреосвященный Сергій, въ присутствіи доктора Никольскаго и своего келейника, отошелъ въ вѣчность. Владыка до послѣдняго дня сохранялъ ясность ума и память. Предъ смертію онъ былъ напутствованъ святыми Тайнами. 12-го февраля въ 8^{1/2} ч. утра тѣло въ Возѣ почившаго Сергія, митрополита Московскаго, положено было въ свѣтло-дубовый гробъ. По положеніи тѣла въ гробъ, по сторонамъ его поставили рипиды и въ головахъ посохъ. Преосвященный Димитрій, епископъ Тверской, съ духовникомъ покойнаго, іеромонахомъ Даміаномъ, и духовенствомъ Троице-Сергіевскаго подворья, облаченными въ черныя бархатныя съ серебромъ ризы, совершили панихиду, послѣ которой тѣло покойнаго сватителя было перенесено въ церковь Троице-Сергіевскаго подворья, что на набережной рѣки Фонтанки у Аничковскаго моста. По установкѣ открытаго гроба на высокой катафалкѣ по срединѣ церкви, по сторонамъ его встали духовникъ покойнаго и іеромонахъ у тѣла, и диаконъ все время читалъ Евангеліе. Въ головахъ на амвонѣ всталъ преосвященный Димитрій, епископъ Тверской и Кашинскій. Началась заупокойная литургія, которую совершалъ преосвященный Димитрій съ духовенствомъ церкви и іеромонахами. Во время литургіи, — въ соборъ прибыли: г. Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ, его товарищъ т. с. В. К. Саблеръ, управляющій канцеляріей Синода С. В. Керскій, члены ученаго комитета при Синодѣ, профессора духовной академіи и представители столичнаго духовенства. Во время литургіи въ церковь прибыли Высокопреосвященнѣйшій Палладій, Митрополитъ Петербургскій и Ладожскій, Высокопреосвященные

Іоанникій, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, Θεогностъ, архіепископъ Новгородскій и Старорусскій и Антоній, архіепископъ Финляндскій и Выборгскій, и преосвященный Гурій, членъ Святѣйшаго Синода. По окончаніи заупокойной литургіи и литіи, совершонной митрополитомъ Палладіемъ со всѣмъ собравшимся духовенствомъ, на гробъ наложена была крышка, и приближенные покойнаго подняли гробъ и, въ предшествіи духовной процессіи, вынесли изъ церкви, гдѣ гробъ былъ установленъ на покрытыя бѣлымъ газетомъ носилки. Вскорѣ печальная процессія тронулась въ путь на Николаевскій вокзалъ. Впереди процессіи шли пѣвчіе, за ними несли фонарь, запрестольный крестъ и хоругви; далѣе длинной лентой тянулся рядъ псаломщиковъ, диаконовъ, священниковъ, іеромонаховъ, монаховъ, протоіереевъ и архимандритовъ. Во главѣ процессіи шли митрополитъ Кіевскій и Галицкій Іоанникій и архіепископъ Финляндскій и Выборгскій Антоній. Впереди гроба священнослужители несли знаки митрополичьяго сана: лиловую святительскую мантию, посохъ, бѣлый клобукъ съ брилліантовымъ крестомъ, митру; іеродиаконы несли рипиды, держа ихъ надъ гробомъ; впереди гроба шель духовникъ покойнаго іеромонахъ Даміанъ съ иконою; за гробомъ шли с.-петербургскій градоначальникъ, сенаторы В. К. Саблеръ и С. В. Керскій и множество народу. Изъ церкви Знаменія духовенство вышло на встрѣчу тѣла крестнымъ ходомъ; Высокопреосвященный Іоанникій совершилъ литію, послѣ которой процессія направилась на Николаевскій вокзалъ, гдѣ уже находились генералъ-адъютантъ А. С. Костанда, начальникъ дороги Михальцевъ и вся администрація дороги. По прибытіи на вокзалъ, гробъ былъ внесенъ въ траурный вагонъ, гдѣ Митрополитъ Іоанникій совершилъ литію. Въ тотъ же день тѣло почившаго Митрополита Сергія было отправлено съ почтовымъ поѣздомъ въ Москву. Его сопровождали духовникъ покойнаго, іеромонахи и два іеродиакона. Во время пути іеромонахи читали у гроба св. Евангеліе. Между тѣмъ въ древле-престольной Москвѣ, по полученіи печальнаго извѣстія, 12-го февраля въ 8 час. утра на колокольнѣ Ивана Великаго раздались печальные удары въ большой колоколъ, возвѣстившіе жителямъ первопрестольной столицы о кончинѣ Высокопреосвященнаго Сергія, Митрополита Московскаго. Вскорѣ за ударами, которыхъ было девять, въ Большомъ Успенскомъ соборѣ была совершена панихида преосвященнымъ Тихономъ епископомъ Можайскимъ въ сослуженіи настоятелей монастырей и соборнаго духовенства. Въ Чудовомъ монастырѣ панихида по почившемъ настоятелѣ была совершена послѣ торжественнаго богослуженія по случаю празднованія памяти сватителя Алексія, Митрополита Московскаго, управляющимъ Спасо-Андрониковымъ монастыремъ епископомъ Наѳанаиломъ соборнѣ, при большомъ стеченіи народа. Въ 12^{1/2} часовъ дня была совершена панихида въ храмѣ Христа Спасителя управляющимъ Новоспасскимъ монастыремъ преосвященнымъ Анатоліемъ, въ сослуженіи ректора московской семинаріи архимандрита Паревенія и другаго высшаго столичнаго духовенства. Пѣлъ Чудовской хоръ пѣвчихъ въ траурной одеждѣ. Въ теченіе дня по Высокопреосвященномъ Сергій были совершены панихиды во всѣхъ монастыряхъ и приходскихъ храмахъ, а также въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Телеграмма о кончинѣ въ Возѣ почившаго Митрополита Сергія была получена въ Сергіевской Лаврѣ въ ночь съ 11 на 12 февраля. По окончаніи утрени, на колокольнѣ Лавры

ударил двѣнадцать разъ въ большой колоколь, а въ Троицкомъ соборѣ о. намѣстникомъ архимандритомъ Павломъ со старшей братіей была совершена торжественная панихида. Панихиды были совершены въ Геосиманскомъ скиту о. игуменомъ Данииломъ, въ храмѣ Черниговской Богоматери, Спасо-Виоанскомъ монастырѣ и во всѣхъ церквахъ посада.

Въ церкви Московской духовной академіи о. ректоромъ архимандритомъ Лаврентіемъ была совершена соборнымъ служеніемъ панихида въ присутствіи профессоровъ и студентовъ. Передъ началомъ панихиды онъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Наконецъ кончились великія страданія, къ которымъ трепетно прислушивалась вся Россія; великій старецъ почилъ отъ дѣлъ своихъ, — а дѣлалъ онъ почти до послѣдняго издыханія, неуспынно стоялъ на сторожѣ Церкви Христовой, оберегая ее отъ всего нечистаго. Много потеряла въ немъ Церковь Божія; многого лишилась въ немъ наша Академія, въ которой онъ и училъ, и учился, и начальствовалъ; если для кого, то для него она была родная. Правда, онъ не любилъ никого баловать. Самъ строгій исполнитель закона, онъ требовалъ и отъ другихъ строгаго исполненія закона; самъ воздержникъ, онъ любилъ и въ другихъ видѣть воздержаніе; самъ постникъ, онъ требовалъ, чтобы и другіе постились. Отъ него нельзя было ожидать, чего бы онъ далъ на увеселеніе, да къ нему никто и не могъ приступить съ подобнымъ предложеніемъ: онъ не любилъ тунеядцевъ, — но гдѣ было нужно помочь, гдѣ была дѣйствительная нужда, онъ помогалъ и щедро помогалъ. Гдѣ нужна была помощь и защита, онъ умѣлъ защитить, какъ никто. Онъ не любилъ награждать по-пусту, но если награждалъ, то за дѣло. Онъ умѣлъ находить и отличать тружениковъ скромныхъ. Его часто упрекали въ невниманія къ такъ называемымъ ученымъ, но вѣдь это къ тѣмъ, которые не оправдывали надеждъ, возлагаемыхъ на нихъ Церковію. Онъ любилъ Академію; всякое малѣйшее не-пріятное извѣстіе его глубоко печалило: онъ былъ строгъ, но только на словахъ; а когда дѣло дойдетъ до наказанія, — то... ну „чтожь теперь дѣлать?“... и поникнуть головою... И видна на лицѣ его скорбь, скорбь не только за Академію, но и за всю Церковь Божію; да этою скорбію все дѣло кончится. Да будетъ ему вѣчная память!

„Живите благополучно“. — Вотъ послѣднія его слова, сказанныя мнѣ при прощаніи, когда онъ благословлялъ меня, а въ лицѣ моемъ и всю Академію.

Благополучіе, какъ извѣстно, зависитъ отъ исполненія заповѣдей Божіихъ вообще и въ частности законовъ гражданскихъ.

Помолимся Богу, чтобы онъ упокоилъ нашего первосвященителя въ царствѣ небесномъ и чтобы исполнилось на насъ его послѣднее благожеланіе“.

Тѣло почившаго Высокопреосвященнаго Сергія, Митрополита Московскаго, прибыло въ Москву съ почтовымъ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги, въ пятницу 13 февраля въ 8 ч. 45 м. дня. На станцію „Клинь“ выѣхали для встрѣчи его архимандритъ Срѣтенскаго монастыря Димитрій и протоіерей Казанскаго собора А. Ѳ. Некрасовъ. Къ 6 часамъ утра на платформѣ собрались: городское духовенство изъ Клинскаго собора и всѣхъ городскихъ церквей съ хоругвями и иконами, четырнадцать священниковъ изъ окрестныхъ сельскихъ церквей, городской голова и представители мѣстной администраціи. По прибытіи поѣзда, вагонъ былъ

открытъ, и у гроба почившаго Срѣтенскимъ архимандритомъ Димитріемъ, при пѣвнн соборнаго хора, была совершена соборная панихида. Присутствовавшіе стояли съ зажженными свѣчами; въ церквахъ производился торжественный звонъ. Послѣ панихиды, у гроба присланные изъ Москвы священники стали непрерывно читать св. Евангеліе, и поѣздъ двинулся въ Москву, куда и прибылъ съ опозданіемъ на двадцать минутъ.

Въ пятницу, съ ранняго утра, въ Москвѣ, несмотря на морозъ въ 19 градусовъ, по направленію къ Николаевскому вокзалу шли многочисленныя толпы москвичей, желавшихъ посмотрѣть на величественную погребальную процессію. Къ восьми часамъ утра на вокзалѣ собрались: управляющій московской митрополіей преосвященный Несторъ, епископъ Дмитровскій, преосвященный Тихонъ, епископъ Можайскій, управляющій Спасо-Андрониковымъ монастыремъ преосвященный епископъ Наваинаиль, ректоръ духовной академіи архимандритъ Лаврентій, ректоры семинарій: московской архимандритъ Пароеній и виоанской Трифонъ, оо. архимандриты московскихъ монастырей: Митрофанъ, Валентинъ, Амфилохій, Поликарпъ, Серапіонъ, Кириллъ, Іаковъ, Прокопій, Макарій, Антоній, — оо. игумены-настоятели монастырей: Высоцкаго Тихонъ, Голутвина Феодосій, Никольскаго Сергія, — члены консисторіи оо. протоіереи: П. И. Казанскій, В. С. Марковъ, И. Я. Березкинъ, В. Е. Вѣликовъ, — благочинные изъ московскихъ церквей, іеромонахи изъ московскихъ монастырей и духовенство приходскихъ церквей въ облаченіяхъ изъ серебрянаго глазета. Въ „царскихъ комнатахъ“ вокзала собрались: помощникъ Августѣйшаго Командующаго войсками округа генераль-отъ-инфантеріи М. П. Даниловъ, командиръ гренадерскаго корпуса генераль-отъ-инфантеріи Н. Н. Малаховъ, московскій комендантъ генераль-отъ-артиллеріи С. С. Унковскій, начальникъ окружнаго штаба генераль-лейтенантъ Л. Н. Соболевъ, начальникъ интендантскаго управленія генераль-лейтенантъ Ростовскій, начальникъ жандармскаго управленія генераль-лейтенантъ Шрамъ и другіе генералы, начальникъ Московской губерніи гофмейстеръ А. Г. Булыгинъ, управляющій канцеляріей московскаго генераль-губернатора гофмейстеръ В. К. Истоминонъ, городской голова князь В. М. Голицынъ, губернский предводитель дворянства князь П. Н. Трубецкой, уѣздный предводитель дворянства князь Голицынъ, прокуроръ московской Святѣйшаго Синода конторы князь А. А. Ширинскій-Шихматовъ, представители городскихъ сословій и представители именитаго купечества. Въ девятомъ часу утра были принесены и размѣщены у платформы хоругви изъ каедральнаго Чудова монастыря и во имя Христа Спасителя собора, и іеромонахи изъ Чудова монастыря принесли иконы преп. Сергія, св. Алексія Митрополита и запрестольные образа. На платформѣ возлѣ траурнаго катафалка расположились Синодальный хоръ и Чудовскіе пѣвчіе, священники и діакконы церквей Замоскворѣцкаго сорока, назначенные нести иконы. Рядомъ съ платформою на проѣздѣ была поставлена погребальная колесница съ серебрянымъ балдахиномъ, запряженная шестью лошадьми пугомъ. Въ половинѣ девятаго часа утра въ „царскія“ комнаты вокзала прибылъ Его Императорское Высочество Августѣйшій Московскій Генераль-Губернаторъ и Командующій войсками округа Великій Князь Сергія Александровичъ въ сопровожденіи лицъ Его свиты. Было восемь часовъ и тридцать пять минутъ утра, когда звонъ при церквахъ Пятницкаго кладбища и

Знаменской, что въ Переяславской слободѣ, возвѣстивъ о приближеніи почтового поѣзда. Въ восемь часовъ и сорокъ пять минутъ утра поѣздъ прибылъ на станцію. Къ траурному вагону на платформу вышли: преосвященные архіереи съ высшимъ духовенствомъ, Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ и собравшіяся на вокзалѣ начальствующія лица. При торжественномъ звонѣ на колокольнѣ Алексѣевскаго монастыря, вагонъ былъ открытъ. Вагонъ былъ внутри обитъ чернымъ сукномъ съ серебрянымъ позументомъ; посреди вагона на невысокомъ катафалкѣ, въ черномъ бархатномъ ящикѣ, стоялъ гробъ съ прахомъ почившаго архіепископа, покрытый покровомъ и архіерейской мантией; въ изголовьѣ гроба на аналоѣ читалъ священникъ св. Евангеліе. Ящикъ былъ вскрытъ, и гробъ съ тѣломъ почившаго митрополита былъ вынутъ изъ него и перенесенъ на приготовленный траурный катафалкъ, поставленный на платформѣ. Преосвященный епископъ Несторъ совершилъ литію при пѣніи Чудовскаго хора. Когда каедральный протоіакопъ провозгласилъ „вѣчную память новопреставленному митрополиту московскому Сергію“,—Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ преклонилъ колѣна. Чудовской хоръ запѣлъ ирмосы: „Помощникъ и Покровитель“, и гробъ въ сопровожденіи всего духовенства и прочихъ лицъ, собравшихся на вокзалѣ, былъ перенесенъ съ платформы и поставленъ на погребальную колесницу. Сверху гробъ былъ покрытъ серебряною парчей и архіерейскою мантией. По бокамъ колесницы стали два діакона съ рипидами, діаконъ съ кадилами, свѣчами, трикиріемъ и дикиріемъ. Ровно въ девять часовъ утра погребальная процессія двинулась съ вокзала въ порядкѣ, указанномъ заранѣе составленнымъ и официально опубликованнымъ церемониаломъ. Согласно сему церемониалу, порядокъ шествія былъ слѣдующій, 1) Впереди шествія слѣдовали хоругви каедрального собора Христа Спасителя и изъ Чудова монастыря; 2) образа преподобнаго Сергія съ Троицкаго подворья и св. Алексія Митрополита изъ Чудова монастыря; 3) гробовая крышка, несомая четырьмя діаконами; 4) чудовскіе пѣвчіе; 5) чиновники консисторіи, наставники семинаріи и духовныхъ училищъ, а также воспитанники старшихъ классовъ семинаріи; 6) псаломщики, діаконъ, священники, протоіереи и настоятели монастырей по два въ рядъ; 7) синодальные пѣвчіе; 8) св. Евангеліе, запрестольные крестъ и икона Божіей Матери, несомые священниками; 9) преосвященные архіереи; 10) крестъ, лампада, посохъ, несомые іеродіаконами; 11) Бѣлый клобукъ съ малымъ омофоромъ на блюдѣ, несомые іеромонахомъ; 12) митра и омофоръ на блюдѣ, которую несутъ іеромонахъ. —Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ пѣшкомъ сопровождалъ процессію до Красныхъ воротъ. Массы народа стояли по пути слѣдованія печальнаго шествія, растянувшись почти на пѣлюю версту. Во главѣ процессіи шествовали преосвященные Тихонъ и Наѳанаилъ. Было девять часовъ пятнадцать минутъ утра, когда процессія остановилась на площади у Красныхъ воротъ. На встрѣчу тѣлу почившаго іерарха, вышло многочисленное духовенство изъ окрестныхъ церквей и были вынесены хоругви и иконы изъ Трехъ-святительской церкви. Преосвященный епископъ Тихонъ совершилъ литію, при пѣніи Синодальнаго хора, и затѣмъ печальное шествіе направилось по Мясницкой, къ церкви св. Николая Чудотворца, передъ которою литію совершалъ преосвященный епископъ Наѳанаилъ, совер-

шившій литію и передъ храмами св. Евпла и Гребенской Богоматери, при пѣніи Чудовскихъ пѣвчихъ. Было десять часовъ, когда шествіе вступило на Никольскую. Изъ часовни св. Пантелеимона, Владимірской церкви и Богоявленскаго монастыря на встрѣчу процессіи выносились иконы и хоругви и выходило духовенство. Иконы, кресты, митру, клобукъ и омофоръ почившаго святителя въ процессіи несло попеременно духовенство изъ церквей сороковъ: Замоскворѣцкаго и Никитскаго. Противъ Казанскаго собора на встрѣчу были вынесены: чудотворныя иконы Божіей Матери Иверская и Казанская, хоругви и запрестольныя иконы изъ Казанскаго собора и вышли: перервинскій архимандритъ Викентій протоіереи А. Ѳ. Некрасовъ, К. И. Богоявленскій и многочисленное духовенство. Преосвященный епископъ Тихонъ совершилъ литію и затѣмъ, въ десять часовъ и двадцать минутъ утра, процессія вступила въ Кремль черезъ Никольскія ворота. На Ивановской колокольнѣ и въ Чудовомъ монастырѣ начался погребальный перезвонъ, а на Царской площади, противъ Ивановской колокольни, на встрѣчу процессіи были вынесены хоругви и запрестольныя иконы изъ Большаго Успенскаго собора и вышло многочисленное духовенство съ о. протопресвитеромъ А. С. Ильинскимъ во главѣ, который совершилъ краткую литію. Въ десять часовъ и двадцать пять минутъ гробъ съ прахомъ почившаго митрополита былъ внесенъ въ трапезу при Алексѣевской церкви Чудова монастыря, гдѣ былъ встрѣченъ преосвященнымъ епископомъ Несторомъ съ оо. архимандритами: Никономъ, Владиміромъ и Власіемъ, оо. игуменами Виталиемъ и Памвою, каедральнымъ протоіереемъ А. И. Соколовымъ и братіей обители. При пѣніи Синодальнаго хора, была совершена литія, и гробъ поставили на невысокій катафалкъ и сняли крышу. Сверху гробъ покрыли митрополичьей мантией и покровомъ изъ серебряной парчи. По бокамъ гроба стали два діакона съ рипидами, а впереди его иподіаконъ съ трикиріемъ, дикиріемъ, посохомъ и лампадой. Преосвященный Тихонъ, поклонившись гробу, началъ чтеніе св. Евангелія отъ Іоанна. Затѣмъ чтеніе продолжали священники изъ московскихъ церквей.

Въ двѣнадцатомъ часу утра у гроба въ Бозѣ почившаго митрополита была совершена первая панихида, передъ началомъ которой въ церковь прибыли Ихъ Императорскія Высочества Московскій Генералъ-Губернаторъ и Командующій войсками округа Великій Князь Сергій Александровичъ съ Своей Августѣйшей Супругой Великой Княгиней Елисаветою Теодоровною въ сопровожденіи лицъ Ихъ Свиты. Въ храмъ присутствовали всѣ начальствующія лица, какія были при встрѣчѣ на вокзалѣ. Панихиду совершали: его Высокопреосвященство членъ Святѣйшаго Синода архіепископъ Новгородскій Ѳеофанъ, преосвященные: Несторъ, епископъ Дмитровскій, — Тихонъ, епископъ Можайскій, епископъ Наѳанаилъ, — ректоръ духовной академіи, архимандритъ Лаврентій, — ректоры духовныхъ семинарій Московской и Виѳанской о. о. архимандриты Паревскій и Трифонъ, — настоятели московскихъ монастырей и подворій о. о. архимандриты: Никонъ, Владиміръ, Митрофанъ, Валентинъ, Димитрій, Амфилохій, Поликарпъ, Серапіонъ, Антовій, Макарій, Власій, Прокопій, Кирилль, Іаковъ, о. протопресвитеръ А. С. Ильинскій, шесть игуменовъ, каедральный протоіерей А. И. Соколовъ, восемнадцать протоіереевъ и до двадцати іеромонаховъ и священниковъ, Пѣли Синодальные пѣвчіе. Послѣ панихиды, закончившейся

въ половинѣ двѣнадцатаго часа дня, присутствовавшіе въ церкви прочались съ почившимъ.

Во время богослуженія громадная толпа народа переполняла всю Царскую площадь. Послѣ двѣнадцати часовъ народъ стали пускать въ храмъ, чтобы проститься съ почившимъ митрополитомъ, и у гроба началось непрерывное чтеніе св. Евангелія священниками московскихъ церквей.

Въ четвертомъ часу вечера, у гроба почившаго митрополита была совершена панихида о. намѣстникомъ Чудова монастыря съ братіей.

Въ шесть часовъ вечера начался звонъ въ большой колоколъ на Ивановской колокольнѣ, а затѣмъ въ Алексіевской церкви Чудова монастыря началось заупокойное всеобщее бдѣніе. На литію, послѣ которой было совершено благословеніе „келіива“, и на каеизмы выходили: преосвященный Тихонъ, епископъ Можайскій, съ оо. ректорами духовной академіи и семинарій московской и виванской, оо. архимандритами: Владиміромъ, Митрофаномъ, Амфилохіемъ, Поликарпомъ, Валентиномъ, Михеемъ, Макаріемъ, семью игуменами, о. протопресвитеромъ и двадцатью протоіереями и іеромонахами. По сторонамъ гроба почившаго митрополита стояли иподіаконы съ рипидами, трикиріемъ и дикіриемъ. За богослуженіемъ присутствовали въ алтарѣ архіепископъ Новгородскій Θεогностъ, епископъ Тульскій Питиримъ, товарищъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода сенаторъ В. К. Саблеръ и много богомольцевъ.

Послѣ всеобщей, закончившейся въ десятомъ часу вечера, у гроба усопшаго началось священниками и іеромонахами чтеніе св. Евангелія, и стали впускать народъ для поклоненія праху усопшаго. Всю ночь храмъ былъ открытъ, толпы москвичей длинною вереницей стояли передъ входомъ въ церковь и по очереди впускались для поклоненія праху въ Возѣ почившаго митрополита. Впереди гроба стоялъ панихидный столъ съ коливомъ, на которомъ горѣла масса свѣчей, пожертвованныхъ богомольцами. Несмотря на массы народа, благодаря принятымъ мѣрамъ, порядокъ былъ образцовый.

Отпѣваніе тѣла въ Возѣ почившаго Высокопреосвященнаго Митрополита Сергія послѣдовало въ субботу 14-го февраля. Въ шестомъ часу утра, въ Благовѣщенской церкви была совершена череднымъ іеромонахомъ заупокойная литургія. Въ восемь часовъ утра, на Ивановской колокольнѣ зазвонили въ большой колоколъ, и Алексіевскій храмъ Чудова монастыря быстро сталъ наполняться богомольцами. Среди нихъ находились: помощникъ Командующаго войсками округа генералъ отъ инфантеріи М. П. Даниловъ, командиръ гренадерскаго корпуса генералъ отъ инфантеріи Н. Н. Малаховъ, комендантъ генералъ отъ артиллеріи С. С. Унковскій, начальникъ окружнаго штаба генералъ-лейтенантъ Л. Н. Соболевъ, начальникъ гражданскаго управленія генералъ-лейтенантъ Шрамъ, начальникъ дворцоваго управленія генералъ-лейтенантъ В. А. Кузнецовъ и другіе генералы и начальники отдѣльныхъ воинскихъ частей, товарищъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода сенаторъ В. К. Саблеръ, начальникъ Московской губерніи гофмейстеръ А. Г. Булыгинъ, управляющій канцеляріей Московскаго Генералъ-Губернатора гофмейстеръ В. К. Истомянъ, почетный опекунъ В. С. Арсеньевъ, и д. попечителя московскаго учебнаго округа д. с. с. Исаенковъ, ректоръ университета д. с. с. П. А. Некрасовъ, начальникъ врачебнаго управленія тайный совѣтникъ В. М. Остроглазовъ, прокуроръ московской Святѣйшаго Синода конторы князь А. А. Ши-

ринскій-Шихматовъ, городской голова князь В. М. Голицынъ, губерискій предводитель дворянства князь П. Н. Трубецкой, представители городскихъ сословій, гласные Думы и другія начальствующія и высокопоставленныя лица. Въ десятомъ часу утра началась заупокойная литургія, которую совершали: членъ Святѣйшаго Синода Высокопреосвященный Θεогностъ, архіепископъ Новгородскій и Старорусскій, съ епископомъ Тульскимъ Питиримомъ, епископомъ Дмитровскимъ Несторомъ, ректоромъ духовной академіи архимандритомъ Лаврентіемъ, ректоромъ московской семинаріи архимандритомъ Парөеніемъ, оо. архимандритами: Никомомъ и Димитріемъ, протопресвитеромъ собора А. С. Ильинскимъ, каедральнымъ протоіереемъ А. И. Соколовымъ, оо. протоіереями: П. И. Казанскимъ и А. А. Доброгорскимъ. По исполненіи причастнаго стиха, священникомъ Петропавловской, что на Якиманѣ, церкви, Г. О. Мансветовымъ было произнесено слово, посвященное памяти почившаго Владыки *).

По окончаніи литургіи, въ половинѣ одиннадцатаго часа утра, началось отпѣваніе тѣла въ Возѣ почившаго архипастыря. Въ это время на Ивановской колокольнѣ, въ Чудовомъ монастырѣ и въ каедральномъ соборѣ начался печальный перезвонъ колоколовъ. Отпѣваніе совершали: Высокопреосвященный архіепископъ Новгородскій Θεогностъ, преосвященный Питиримъ, епископъ Тульскій, епископы: Несторъ, Тихонъ и Наонаилъ, ректоръ духовной академіи архимандритъ Лаврентій, ректоры семинаріи московской и виванской архимандриты Парөеній и Трифоновъ, оо. архимандриты: Никонъ, Владиміръ, Амфилохій, Димитрій, Поликарпъ, Митрофанъ, Викентій, Валентинъ, Серапіонъ, Михей, Макарій, Антоній, Товія, Власій, Прокопій, Кирилль, Іаковъ, синодальный ризничій игуменъ Виталій, оо. игумены: Макарій, Тихонъ, Θεодосій, Сергій, Іоасафъ, Варлаамъ, Авдій, Адрианъ, о. протопресвитеръ Большаго Успенскаго собора, каедральный протоіерей и двадцать четыре протоіерея и іеромонаха. При началѣ отпѣванія, въ храмъ изволили прибыть Ихъ Императорскія Высочества Августѣйшій Московскій Генералъ-Губернаторъ и Командующій войсками округа Великій Князь Сергій Александровичъ съ Августѣйшею Супругою Великою Княгинею Елисаветою Θεодоровною въ сопровожденіи лицъ Ихъ свиты. Въ время отпѣванія св. Евангелія читали архіереи, каеизму, канонъ и стихиры—преосвященный Тихонъ и сакелларіи Большаго Успенскаго собора сваш. Пшеничниковъ и Субботинъ. Антифоны восьми гласовъ исполнялись древнимъ распѣвомъ священнослужителями Успенскаго собора. Какъ во время литургіи, такъ и за отпѣваніемъ по сторонамъ гроба почившаго святителя стояли иподіаконы съ рипидами, посохомъ и лампадою; на аналоѣ, впереди гроба, были положены на блюдѣ омофоръ и бѣлый клубукъ усопшаго.

Отпѣваніе закончилось около двухъ часовъ дня. Высокопреосвященный Θεогностъ прочелъ разрѣшительную молитву и вложилъ ее въ руку усопшаго архипастыря. При пѣніи положенныхъ пѣснопѣній, преосвященные архіереи простились съ усопшимъ. Затѣмъ къ гробу приблизились Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Сергій Александровичъ и Великая Княгиня Елисавета Θεодоровна и, поклонившись праху въ Возѣ почившаго митрополита, по христіанскому обычаю простились съ нимъ. Присутствовавшее въ церкви духовенство, игумены женскихъ монастырей и начальствующія

*) См. ниже.

лица также прощались съ усопшимъ іерархомъ. На Ивановской колокольнѣ и въ Чудовомъ монастырѣ начался звонъ во все колокола. Архіепископъ Θεогностъ совершилъ обрядъ преданія землѣ. Гробъ почившаго архипастыря былъ закрытъ и, въ предшествіи архіереевъ, былъ вынесенъ изъ церкви архимандритомъ Товією и іеромонахами, г. товарищемъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода В. А. Саблеромъ, прокуроромъ московской конторы Святѣйшаго Синода княземъ А. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ и другими лицами. У изголовья гробъ изволилъ поддерживать Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ. Противъ Чудова монастыря была совершена преосвященнымъ епископомъ Несторомъ краткая литія, а противъ Успенскаго собора литію совершилъ преосвященный епископъ Тихонъ. Затѣмъ гробъ поставили на погребельную колесницу съ балдахиномъ, покрыли сверху покровомъ изъ серебряной парчи и митрополичей мантией, и процессія двинулась на вокзалъ Ярославской желѣзной дороги по направленію, указанному въ церемоніаль. Ко времени выноса, громадныя толпы народа собрались въ Кремль и по всемъ улицамъ, гдѣ слѣдовала процессія. Во главѣ ея всю дорогу шли преосвященные епископы: Несторъ, Тихонъ и Наѳанаиль, ректоръ московской семинаріи архимандритъ Парвоній, оо. архимандриты: законодеспаскій, златоустовскій, волоколамскій и перервинскій, шесть игуменовъ и до трехсотъ протоіереевъ, священниковъ и діаконовъ. Впереди процессіи хоругвеносцы несли шесть хоругвей. Когда процессія приблизилась къ Казанскому собору, на встрѣчу ей были вынесены чудотворныя иконы Богоматери Иверская и Казанская, и преосвященный Несторъ совершилъ краткую литію. Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ сопровождалъ погребельную колесницу до Воскресенской площади, а Великая Княгиня Елисавета Теодоровна сопровождала до этого мѣста процессію въ каретѣ. По пути слѣдованія передъ церквями, указанными въ церемоніаль, литіи совершали попеременно преосвященные епископы Тихонъ и Наѳанаиль, при пѣніи Чудовскаго хора. За гробомъ слѣдовали: комендантъ, генералъ-отъ-артиллеріи С. С. Унковскій, товарищъ оберъ-прокурора сенаторъ В. К. Саблеръ, начальникъ Московской губерніи гофмейстеръ А. Г. Булыгинъ и другія начальствующія лица. Въ два часа и сорокъ минутъ дня процессія прибыла на Ярославскій вокзалъ, переполненный массой народа. Преосвященный Тихонъ, при пѣніи Синодальнаго хора, совершилъ краткую литію, послѣ которой гробъ былъ на рукахъ оо. архимандритомъ внесенъ въ вагонъ, декорированный внутри чернымъ сукномъ, и поставленъ на покрытый серебрянымъ глазомъ катафалкъ. Сверху гробъ былъ закрытъ мантией и на него возложено блюдо съ кlobукомъ и омофоромъ почившаго. По бокамъ гроба были помѣщены дикирій, трикирій и рипиды, а впереди на аналоѣ св. Евангеліе и икона. Преосвященный Тихонъ совершилъ краткую литію, при окончаніи которой протоіакопъ А. З. Шеховцовъ провозгласилъ „вѣчную память Высокопреосвященному Митрополиту Сергію“. Хоръ пропѣлъ „вѣчную память“, при чемъ все присутствовавшее стало на колѣни. Затѣмъ въ вагонѣ по бокамъ гроба помѣстились два іеромонаха изъ лавры, два протоіерея и два священника изъ священнослужителей г. Москвы, которые стали читать непрерывно Св. Евангеліе по очереди. Преосвященные епископы, сопровождавшее на вокзалъ тѣло Владыки духовенство и на-

чальствующія лица размѣстились по вагонамъ и въ три часа и тридцать минутъ экстренный поѣздъ тихо отбылъ отъ станціи въ Сергіевскую лавру.

Экстренный поѣздъ Московско-Ярославской желѣзной дороги, въ которомъ слѣдовалъ вагонъ съ гробомъ почившаго митрополита Сергія, прибылъ въ три часа и пятьдесятъ пять минутъ дня на станцію „Мытищи“, куда къ этому времени были принесены хоругви и иконы изъ церкви села Мытищъ, собралось духовенство изъ окрестныхъ селъ и масса народа. По остановкѣ поѣзда, траурный вагонъ былъ открытъ и у гроба была совершена краткая литія, при пѣніи мѣстнаго хора. Послѣ десятиминутной остановки, поѣздъ двинулся въ дальнѣйшій путь и въ четыре часа, двадцать минутъ прибылъ на станцію „Пушкино“. Здѣсь также была отслужена литія, при громадномъ стеченіи народа. Затѣмъ въ вагонѣ началось чтеніе св. Евангелія, и поѣздъ прослѣдовалъ далѣе до станціи „Хотьково“. Здѣсь ко времени прибытія поѣзда собрались: духовенство изъ Хотькова монастыря съ хоругвями и иконами и масса народа. У гроба была совершена литія, послѣ которой инокини отдали праху усопшаго архипастыря послѣдній христіанскій долгъ.

Былъ уже въ исходѣ шестой часъ вечера, когда поѣздъ сталъ приближаться къ Лаврѣ и во всехъ посадскихъ церквахъ начался торжественный перезвонъ. На станцію желѣзной дороги къ этому времени были принесены хоругви изъ всехъ лаврскихъ и посадскихъ церквей, древнія иконы изъ Троицкаго собора, и собралось все лаврское духовенство съ о. намѣстникомъ лавры архимандритомъ Павломъ во главѣ, братія изъ Геосиманскаго свята и Спасо-Виѳанскаго монастыря и священники всехъ посадскихъ церквей съ лаврскимъ хоромъ. Здѣсь же находились: посадскій староста Н. Ѳ. Каптеревъ и представители мѣстной администраціи, профессора духовной академіи и Виѳанской семинаріи и масса народа. Въ шесть часовъ вечера поѣздъ прибылъ на станцію „Сергіево“. Траурный вагонъ былъ открытъ, и гробъ съ прахомъ почившаго архипастыря вынесенъ іеромонахами и поставленъ на платформу. Преосвященный Тихонъ совершилъ краткую литію, при окончаніи которой лаврскимъ архидіакономъ была провозглашена „вѣчная память“. Лаврскій хоръ запѣлъ ирмосы „Помощникъ и Покровитель“, гробъ іеромонахи поставили на покрытый серебрянымъ глазомъ носилки и процессія двинулась въ лавру, согласно опубликованному уже церемоніалу. Во главѣ процессіи слѣдовали преосвященные епископы: Тихонъ и Наѳанаиль, ректоры: духовной академіи, московской и виѳанской семинарій, оо. архимандриты: Митрофанъ, Поликарпъ, Валентинъ, Михай, лаврскій намѣстникъ арх. Павелъ и казначей арх. Никонъ и многочисленное духовенство. По пути преосвященные архіереи совершали литіи. Въ исходѣ седьмого часа вечера гробъ былъ принесенъ въ лавру и внесенъ въ Троицкій соборъ, гдѣ поставленъ на катафалкъ. По совершеніи преосвященными архіереями у гроба панихиды, началось воскресное всенощное бдѣніе, а затѣмъ іеромонахи стали читать у гроба непрерывно св. Евангеліе. Соборъ былъ всю ночь открытъ и масса народа перебивала за это время, чтобы поклониться праху почившаго архипастыря.

Въ воскресенье, 15 февраля, утромъ, во всехъ лаврскихъ церквахъ были совершены по почившемъ іерархѣ заупокойныя литургіи и панихиды; церкви были переполнены молящимися. Въ десятомъ часу утра въ Троицкомъ соборѣ началась за-

упокойная литургія, которую совершали Его Высокопреосвященство архіепископъ Новгородскій и Старорусскій Θεогностъ съ епископомъ Можайскимъ Тихономъ, епископомъ Наөанаиломъ, инспекторомъ академіи архимандритомъ Арсеніемъ, ректоромъ Виѳанской семинаріи архимандритомъ Трифономъ, намѣстникомъ лавры архим. Павломъ, чудовскимъ архимандритомъ Товією и двумя іеромонахами, всѣ въ серебряныхъ облаченіяхъ. Въ соборѣ присутствовали г. товарищъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода г. е. В. К. Саблеръ, начальникъ Московской губерніи гофмейстеръ г. е. А. Г. Булыгинъ, прокуроръ Московской Св. Синода конторы д. е. с. князь А. А. Ширинскій-Шихматовъ, председатели мѣстной администраціи, профессора дух. академіи и Виѳанской семинаріи и масса богомольцевъ. Въ соборѣ присутствовали: г. товарищъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода тайный совѣтникъ В. К. Саблеръ, начальникъ Московской губерніи гофмейстеръ А. Г. Булыгинъ, прокуроръ московской Святѣйшаго Синода конторы князь А. А. Ширинскій-Шихматовъ, представители мѣстной администраціи, профессора духовной академіи и Виѳанской семинаріи и масса богомольцевъ. Въѣсто причащаемаго стиха о ректоромъ духовной академіи архимандритомъ Лаврентіемъ было сказано надгробное слово *).

Послѣ литургіи, закончившейся въ началѣ перваго часа дня, началась панихида, которую совершали архіепископъ Θεогностъ съ епископами Тихономъ и Наөанаиломъ, ректоромъ духовной академіи, инспекторомъ академіи, ректоромъ Виѳанской семинаріи, намѣстниками Лавры и Чудова монастыря, казначеемъ и старшей лаврской братіей. Во время богослуженія по сторонамъ гроба стояли иподіаконъ съ рипидами, а у ногъ діаконъ съ посохомъ. На столѣ передъ гробомъ стояли зажженные трикирій и дикирій, лежалъ бѣлый клобукъ, митра изъ темнаго бархата и омофоръ. Во время панихиды производился на колокольѣ печальный перезвонъ. Послѣ богослуженія, присутствовавшіе въ храмѣ начальствующія лица и богомольцы поклонились праху въ Бозѣ почившаго архипастыря, а Высокопреосвященный Θεогностъ благословилъ богомольцевъ и при торжественномъ колокольномъ звонѣ отбылъ въ исходѣ перваго часа дня въ митрополичьи покои. У гроба начато непрерывное чтенія св. Евангелія — іеромонахами. Въ четыре часа вечера, въ Троицкомъ соборѣ великую вечерню совершалъ преосвященный Тихонъ, епископъ Можайскій, съ лаврскою братіей.

Въ шестомъ часу вечера, у гроба почившаго владыки митрополита была совершена панихида ректоромъ духовной академіи съ о. инспекторомъ и прочимъ академическимъ духовенствомъ, при пѣніи студенческаго хора. За богослуженіемъ присутствовали профессора духовной академіи и студенты. Послѣ этой панихиды, была отслужена другая панихида ректоромъ Виѳанской семинаріи о. архимандритомъ Трифономъ, за которой присутствовали преподаватели и воспитанники Виѳанской семинаріи.

Въ понедѣльникъ, 16 февраля, утромъ, въ Троицкомъ соборѣ въ положенное время была совершена утренняя, а въ восемь часовъ — часы и вечерня. У гроба усопшаго стояли іеродіаконъ въ черныхъ облаченіяхъ.

Съ поѣздами желѣзной дороги прибыли многіе представители московскаго духовенства и почитатели памяти почившаго владыки митрополита, среди которыхъ находились:

управляющій канцеляріей московскаго Генераль-Губернатора, гофмейстеръ В. К. Истомина, городской голова князь В. М. Голицынъ, губернский предводитель дворянства князь П. Н. Трубецкой, уѣздный предводитель дворянства князь В. А. Голицынъ, графъ С. В. Орловъ-Давыдовъ, и другія лица.

Къ одиннадцати часамъ утра въ Троицкомъ соборѣ собрались: г. товарищъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода тайный совѣтникъ В. К. Саблеръ, прокуроръ московской Святѣйшаго Синода конторы князь А. А. Ширинскій-Шихматовъ и другіе.

Въ половинѣ двѣнадцатаго часа дня въ посадѣ съ экстреннымъ поѣздомъ Московско-Архангельской желѣзной дороги изволили прибыть Ихъ Императорскія Высочества Августѣйшій московскій Генераль-Губернаторъ и Командующій войсками округа Великій Князь Сергій Александровичъ и Супруга Его Великая Княгиня Елисавета Θεодоровна, въ сопровожденіи лицъ Ихъ Свиты. Съ вокзала Ихъ Императорскія Высочества прослѣдовали въ Троицкій соборъ лавры, гдѣ на сѣверной паперти были встрѣчены Высокопреосвященнымъ архіепископомъ Новгородскимъ Θεогностомъ съ оо. архимандритами. Приложившись къ св. кресту и принявъ окропленіе святой водою, Ихъ Императорскія Высочества прослѣдовали въ соборъ къ мощамъ преп. Сергія и приложились къ нимъ, а затѣмъ прослѣдовали къ правому клирису собора. Изъ алтаря на средину собора, гдѣ находился гробъ съ прахомъ почившаго митрополита, вышли въ облаченіяхъ изъ чернаго бархата съ серебряными позументами: Высокопреосвященный архіепископъ Θεогностъ, прибывшій утромъ въ этотъ день въ лавру управляющій московской митрополіей преосвященный епископъ Дмитровскій Несторъ, преосвященные епископы: Тихонъ и Наөанаилъ, ректоры: духовной академіи архимандритъ Лаврентій, московской семинаріи архимандритъ Пареній и Виѳанской семинаріи архимандритъ Трифонъ, инспекторъ духовной академіи архимандритъ Арсеній, намѣстникъ лавры архимандритъ Павелъ, оо. архимандриты: Митрофанъ Серапіонъ, Дмитрій, Поликарпъ, Викентій, Товія, Никонъ, игумень Геосиманскаго скита Давилъ, настоятель Махрицкаго монастыря о. Гавріилъ, игумень Амфилохій, членъ консисторіи протоіерей В. С. Марковъ, благочинные московскихъ церквей оо. протоіереи Б. И. Богоявленскій, Д. И. Лыжковъ и свящ. Н. А. Кошневъ, благочинный посадскихъ церквей о. протоіерей Фаворскій, и двадцать іеромонаховъ и іеродіаконовъ. Началась панихида, во время которой всѣмъ были розданы восковыя свѣчи изъ зеленаго воска. Такія же свѣчи были въ подсвѣчникахъ возлѣ гроба и въ трикирії и дикирії. На лаврской колокольѣ начался погребальный перезвонъ. Лаврскій хоръ съ искусствомъ исполнилъ панихиду кievскимъ распѣвомъ. При пѣніи „Со святыми упокой“, Ихъ Императорскія Высочества стояли на колѣнахъ. При окончаніи панихиды, вдоль дороги отъ южныхъ дверей Троицкаго собора и до Духо-Сомественской церкви выстроились съ сорока хоругвями изъ лаврскихъ церквей хоругвеносцы Троицкаго посада, въ своихъ форменныхъ кафтанахъ. Въ двѣнадцать часовъ окончилась панихида; о. архидіаконъ Дмитріанъ провозгласилъ „вѣчную память новопреставленному митрополиту Сергію“; гробъ былъ поднятъ десятью іеромонахами и вынесенъ черезъ южныя двери и корридоръ возлѣ Никонской церкви на лаврскую площадь. Погребальное шествіе направилось въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди хоругвеносцы несли хоругви, далѣе слѣдовалъ хоръ лаврскихъ

*) См. ниже.

пѣвчихъ, исполнившій ирмосы „Помощникъ и Покровитель“, длинный рядъ іеромонаховъ и архимандритовъ со свѣчами; далѣе іеродіаконъ несли старинный кипарисный запрестольный крестъ и икону изъ Троицкаго собора, а іеромонахи несли на блюдахъ: митру, омофоръ и клобукъ почившаго іерарха. Потомъ слѣдовали: архіепископъ Θεогностъ и епископы: Несторъ, Тихонъ и Наанайль. Далѣе, іеромонахи несли гробъ почившаго, покрытый мантией, по бокамъ котораго шли іеродіаконъ съ кадилами, свѣчами и рипидами. За гробомъ слѣдовали Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Сергій Александровичъ и Супруга Его Великая Княгиня Елисавета Θεодоровна и начальствующія лица. Печальная процессія, на пути слѣдованія которой стояли массы народа, направилась къ алтарю Троицкаго собора, и здѣсь Высокопреосвященнымъ Θεогностомъ была отслужена краткая литія. Отсюда шествіе направилось мимо Духо-Сомшественской церкви къ сѣвернымъ дверямъ Успенскаго собора, во входу въ усыпальницу, находящуюся подъ соборомъ, гдѣ въ юго-западномъ углу была приготовлена выложенная камнемъ могила для почившаго, рядомъ съ могилой въ Возѣ почившаго митрополита Леонтія. Когда гробъ былъ опущенъ въ могилу, Высокопреосвященный архіепископъ Θεогностъ совершилъ литію, — о. архіепископъ Димитріанъ провозгласилъ „вѣчную память“ Митрополиту Сергію, и въ это время на колокольнѣ начался звонъ во все колокола. Ихъ Императорскія Высочества, преосвященные архіереи и духовенство посыпали гробъ почившаго землею, и затѣмъ гробъ былъ заложень камнями и надъ нимъ стали дѣлать сводъ. Обрядъ погребенія закончился въ десять минутъ перваго часа дня.

Помолимся и мы, да упокоитъ Господь душу новопреставленнаго раба Своего Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Сергія въ свѣтлыхъ небесныхъ обителяхъ, *идже вси праведнии упоковаются!*

Слово, произнесенное священникомъ Петропавловской, на Якиманкѣ, церкви І. Ѡ. Мансветовымъ при отпѣваніи тѣла Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Сергія 14-го сего февраля.

Подвигомъ добрымъ подвижася, течение скончашъ, вѣру соблюдохъ. (2 Тим. 4, 7).

Слова сіи ап. Павла удобно приложимы къ жизни и дѣятельности скончавшаго земное течение свое — преемника апостольскаго служенія, архипастыря церкви московской — митрополита Сергія. Слова эти звучатъ какъ бы нѣкоторымъ завѣтомъ, исходящимъ уже не изъ устъ его, сомкнутыхъ на вѣки, но изъ всей многотрудной и продолжительной жизни. Подлинно подвигомъ добрымъ подвижася въ Возѣ почившій архипастырь нашъ, митрополитъ Сергій.

Припоминаются при этомъ и другія апостольскія слова, въ которыхъ, между прочимъ, выражается, что болѣе всего цѣнится Господомъ Богомъ въ жизни человѣческой: это *потайный сердца чловѣкъ, въ неустлнннмъ кроткаго и молчаливаго духа, еже есть предъ Богомъ многоцѣнно* (1 Петр. 3, 4).

Въ Возѣ почившій архипастырь нашъ любилъ этотъ кроткій и молчаливый духъ; все свои подвиги скрывалъ въ тайникахъ своего сердца, которое не терпѣло никакихъ внѣшнихъ выражений славы и похвалъ, даже въ дѣлахъ, достойныхъ похвалы.

Теперь же, когда онъ готовится предстать предъ Неприятнымъ Судіею, — дерзну ли смущать его духъ изображеніемъ его достоинствъ.

Преосвященный владыко! Не въ похвалу тебѣ, а въ назиданіе намъ, твоей паствѣ, благослови, при настоящемъ послѣднемъ цѣлованіи нашемъ, представить изъ твоей жизни то, что носилъ ты достойнаго назиданія и подражанія. А это достойное не только было въ ней, но и сіяло, какъ блистаютъ многоцѣнные камни!

Представить полную картину многолѣтняго и многосложнаго подвига почившаго въ настоящемъ словѣ не достанетъ ни силъ, ни времени. Желалось бы, по чувству христіанскаго долга, изобразить черты его пастырства такіа, въ которыхъ наиболѣе сказывался духъ апостольскій.

Если обратить на это вниманіе, то не трудно замѣтить, что вся жизнь почившаго проникнута была глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Это чувство выражалось въ его необычайной ревности о славѣ имени Божія и твердомъ храненіи православія. То и другое отпечатлѣвалось какъ въ его словѣ, печатномъ и устномъ, такъ и въ дѣятельности. Намъ остались вещественные памятники его религіозной мысли и вѣры — это его ученые труды и особенно слова и поученія. Все въ нихъ направлено къ распространенію и утверженію здраваго и чистаго ученія вѣры. Слова его не блещутъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, но невольно удивляешься въ нихъ той классической точности, съ какою выражаются мысли. Эта точность и происходящая отсюда какъ бы нѣкая скупость на слова чувствовалась даже въ обычной бесѣдѣ и при изустномъ произнесеніи поучевій. „Я всегда предварительно обдумываю не только мысли, но и форму выраженія ихъ, когда собираюсь что либо говорить въ храмѣ“, — слышали мы отъ самаго почившаго. Какая осторожность въ словѣ! Мало того: всякая мысль, раскрывающая истины вѣры или нравственности, неизмѣнно обосновывалась на Словѣ Божіемъ и ученіи свято-отеческомъ, какимъ въ изобилии снабжены все его творенія, — особенно же поученія. Если предстояла нужда въ обличеніи навѣваемаго духомъ времени неправомыслия, или въ устраненіи какихъ-либо чуждыхъ православію обычаевъ, — то и другое дѣлалось не иначе, какъ путемъ показаній несогласія ихъ съ основными началами св. вѣры. Человѣкъ, развившій и обогатившій свой умъ высшимъ богословскимъ знаніемъ, умудренный опытами жизни созерцательной, искушенный въ продолжительномъ пасеніи словеснаго стада Христова и соблюденіи здравыхъ словесъ, — всегда и даже на закатѣ дней своихъ, — строгія мудрованія свои повѣряетъ и подкрѣпляетъ авторитетами свв. отцовъ и учителей церкви! Вотъ истинная мудрость!

Невольно при этомъ воспоминаются наставительныя слова, сказанныя рукоположителемъ его, митрополитомъ Филаретомъ: „подвизайся, — говорилъ онъ новорукоположенному епископу Сергію, — чтобы молитва твоя была чиста и крѣпка, ученіе православно... Слово Божіе да будетъ непреложнымъ основаніемъ ученія, правила и примѣры свв. отцовъ — руководителями жизни, управленія и суда“. Почившій митрополитъ Сергій осуществилъ вполне прозорливыя слова іерарха.

Его мудрая осторожность въ дѣлѣ изложенія здраваго ученія вѣры, происходящая изъ побужденій сохраненія въ чистотѣ православія, не служить ли поучительнымъ примѣромъ разборчивости въ словахъ и для всехъ насъ, — особенно въ настоящее время, когда устное и печатное слово широкимъ

потокомъ распространяется по лицу православной земли русской.

Но вотъ мы видимъ его, въ теченіе почти пяти лѣтъ, среди паствы московской. И здѣсь глубина его религіознаго чувства и забота о сохраненіи чистоты православія выразились очевидно. Благоговѣнное и благолѣпное совершеніе торжественныхъ богослуженій, особенно въ великіе и святые дни, — было, можно сказать, отрадою его души. Особенное вниманіе его было обращено на службу „уставную“, — на достойное присутствія Божія хожденіе въ св. храмѣ и священнодѣйствіе служителей алтаря. Онъ всегда заботился, чтобы все въ храмѣ Божіемъ шло благообразно, безъ замѣшательствъ, суетливости, поспѣшности, чтобы все богослуженіе каждымъ участвующимъ въ ономъ совершалось по чину. И всякій изъ участниковъ съ почившимъ въ богослуженіи не можетъ не свидѣтельствовать, какое возвышенное настроеніе производила эта благочинность службы церковной и какъ она соответствуетъ высотѣ и полнотѣ православнаго богослуженія.

А тѣ неутомимыя и изумительныя въ его преклонномъ возрастѣ шестивѣтъ въ нашихъ величественныхъ и довольно продолжительныхъ крестныхъ ходахъ, — что было, какъ не подвигъ!...

Видя его труждающимся въ оныхъ и послѣ труднаго шествія совершающимъ божественную литургію въ храмахъ, до тѣсноты наполненныхъ молящимися, а потомъ благословляющимъ всѣхъ до единаго, — многіе удивлялись его подвигу, иные недоумѣвали, а большинство, особенно народъ, благоговѣло предъ его религіозною ревностію. Какой поучительный примѣръ для всѣхъ насъ, и пастырей, и пасомыхъ!

Будучи ревнителемъ славы имени Божія и чистоты православія, почившій архипастырь нашъ явилъ въ себѣ примѣръ строгаго храненія древняго порядка церковной жизни и православныхъ преданій.

„Братіе, стойте и держите преданія!“ — съ такимъ воззваніемъ обратился онъ къ паствѣ московской, — при первомъ привѣтствіи ея по вступленіи на кафедру, и выражалъ свое желаніе охранять преданія церкви московской. А эти преданія сложились при подувѣковомъ почти управленіи церковію мудраго святителя Филарета. Этими порядками и преданіями долгое время всецѣло жила церковь московская: къ нимъ прислушивались и имъ подражали пастыри и другихъ областей обширной Россіи; нужно ли послѣ сего говорить что-либо объ ихъ значеніи?! Въ Бозѣ почившій архипастырь нашъ, сознавая все значеніе этихъ преданій, въ теченіе всего своего служенія въ Москвѣ, старался существующія поддержать, угасшія возстановлять, забытыя воспоминать, и къ этому стремился неуклонно. Для него было свято все, что учреждено при митрополитѣ Филаретѣ; поэтому-то, естественно, что его, хотя и непродолжительное, служеніе и распоряженія напоминали собою незабвеннаго митрополита Филарета.

Въ наше время, когда чуждая струя ложно-культурной жизни запада вторгается въ область жизни религіозно-церковной, — ревностная забота о сохраненіи преданій и порядковъ старины должна почитаться подвигомъ добрымъ, — подвигомъ, достойнымъ подражанія. А таковой и явилъ намъ почившій архипастырь.

Кромѣ этихъ пастырскихъ свойствъ, онъ проявилъ въ своей служебной пастырской дѣятельности достойныя подражанія черты — любовь къ правдѣ и законности.

Отъ всѣхъ обращающихся къ нему почившій всегда желалъ

слышать правду, хотя бы она иногда шла вопреки его взглядамъ и распоряженіямъ. Но лжи не переносилъ. Это чувствовалось настолько, что приближенные къ нему лица иногда для личнаго спокойствія его не рѣшались прибѣгать ко лжи, хотя бы незначительной, опасаясь болѣе возмутить его духъ.

Достойно, далѣе, вниманія — его правило — всякое дѣло, распоряженіе, ходатайство — утверждать на достаточномъ основаніи. Никакія ссылки на общепринятость какого либо дѣйствія, на существующій обычай не успокаивали его до тѣхъ поръ, пока не указывалось законнаго основанія. И это прилагалось ко всѣмъ дѣламъ — великимъ и малымъ. Впрочемъ, предъ его взглядомъ всѣ дѣла были важны, если они требуютъ разсмотрѣнія, рѣшенія или утвержденія епископской власти. „Я всякому дѣлу, прежде всего, предъявляю препятствія“, — самъ почившій говорилъ о себѣ. Это обстоятельство заставляло лицъ, обращающихся къ нему съ ходатайствами или другими какими либо дѣлами — подготовляться, изучать, такъ сказать, исторію дѣла, — чтобы быть готовымъ дать отвѣты на предлагавшіеся въ такихъ случаяхъ вопросы, иногда неожиданные. Нужно ли говорить, что такой путь въ рѣшеніи дѣлъ, хотя нѣсколько медленный, но за то надежный?..

Что сказать о другихъ его личныхъ качествахъ? Строгий инокъ-подвижникъ и любитель этихъ подвиговъ, — строгій къ себѣ, требовательный въ служебныхъ дѣлахъ къ другимъ, — почившій подъ своей внѣшней суровою наружностію скрывалъ высокія благородныя свойства своей души, мягкое и сочувствующее сердце, которое не только располагало къ себѣ, но и привязывало всякаго, кто имѣлъ возможность коснуться этого тайника и испытать его благотворность.

Проведя продолжительную жизнь свою въ трудѣ и подвигахъ, держа въ рукахъ все нелегкое бремя правленія, не взирая на немощи и болѣзни и такъ, до послѣднихъ моментовъ жизни, работая неустанно и неутомимо, — имѣя въ виду всегда волю Господню и благо св. Церкви, — и теперь окончивши свое земное поприще, почившій могъ смѣло сказать намъ: „подвигомъ добрымъ подвизахся“.

Мы же осиротѣвшая его паства — подражая этому подвигу помолимся Господу Богу, да воздастъ Онъ, Праведный Судія, почившему то, что Онъ обѣщалъ всѣмъ возлюбившимъ правду, т. е. вѣнецъ правды, въ царствіи Отца Небеснаго. Аминь.

Рѣчь, произнесенная при внесеніи тѣла въ Бозѣ почившаго святителя Митрополита Сергія въ Троицкій соборъ Сергіевой Лавры о. казначеемъ оной архимандритомъ Никономъ.

Необычно нынѣшнее пришествіе твое, святителю Божій!.. Необычно и мы срѣтаемъ тебя и привѣтствуемъ... слезами!.. Недолго святая Лавра наша имѣла счастье именовать тебя своимъ священно-архимандритомъ; недолго и мы, чада ея, имѣли въ тебѣ мудраго архипастыря и благостнаго отца.. Съ великимъ утѣшеніемъ мы видѣли въ тебѣ вѣрнаго хранителя дорогихъ для всѣхъ насъ завѣтовъ приснопамятнаго богомудраго святителя Филарета, котораго ты такъ благоговѣнно чтилъ и сыновне любилъ... Кто хотя разъ въ жизни имѣлъ счастье бесѣдовать съ тобою, тотъ никогда не забудетъ твоего мудраго привѣтливаго слова, не забудетъ твоего ласковаго, любовью согрѣтаго взгляда... И мы надѣялись, что Господь еще и еще продлитъ дни твои, мы надѣялись еще и еще приви-

татъ подѣ сѣнію твоей отеческой любви... Но Владыка жизни и смерти судилъ иначе. Се—ты самъ грядеши почить отъ трудовъ своихъ подѣ сѣнію той обители, въ которой нѣкогда полагалъ начало твоимъ трудамъ. Да будетъ убо воля Божія! Да почіетъ претруженное тѣло твое подѣ благодатнымъ кровомъ земной обители тезоименитаго тебѣ угодника Божія, а духъ твой да приметъ онъ въ свою свѣтлую небесную обитель!..

Надгробное слово, произнесенное въ Троице-Сергіевой Лаврѣ надъ гробомъ Высокопреосвященнаго Митрополита Сергія ректоромъ М. Д. Академіи архимандритомъ Лаврентіемъ 15-го сего февраля.

Еще день—и святая Лаврская земля приметъ въ свои объятія тѣло нашего архипастыря, а мы уже не увидимъ болѣе его никогда, до великаго дне суднаго. О, еслибы намъ съ непростыднымъ лицомъ встрѣтиться съ нимъ тамъ! Съ какою бы радостію онъ сказалъ бы Создателю всѣхъ: се, азъ и дѣти мои! А это можетъ быть только тогда, когда мы будемъ исполнять заповѣди Божіи, но—горе намъ, если окажемся преступниками заповѣдей Божіихъ; тогда онъ скажетъ: вы не исполнили того, чему я училъ васъ; вы преступали заповѣди Божіи; я училъ васъ, вы не слушали; отъидите отъ меня; вы не дѣти мои; не знаю васъ. Для избѣжанія печальной сей участи, воспроизведемъ нравственный образъ почившаго, чтобы глубже напечатлѣть его въ сердца, чтобы, взирая на него мысленно, подражать ему...

Но, сказавъ это, я чувствую не малое смущеніе: вѣдь я мало зналъ его. Почившій былъ мужъ мудрый,—а *мужъ мудрый безмолвіе водитъ*; онъ не любилъ открывать никому своихъ заветныхъ думъ; внутренней міръ души его рѣдко кому былъ доступенъ; во святое святыхъ души его весьма немногіе входили; притомъ я былъ свидѣтелемъ—очевидцемъ только четырехъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, когда уже очевидно было, что земная хранилища его разрушаются, что отшествіе его изъ сего міра въ вѣчность приближается. Однако и въ это время, когда естественныя силы у человѣка слабѣютъ, какалъ была у него энергія! Какая сила воли! какой свѣтлый взглядъ на вещи! какая твердая память! Какъ глубоко вникалъ онъ въ каждое дѣло! Какъ мудро и скоро рѣшалъ онъ самыя запутанные вопросы однимъ или двумя словами. „Да вы вотъ такъ-то поступите“, или „такъ-то сдѣлайте“. И для васъ ясно становилось темное дѣло, и вы дивились, какъ это вы сами не догадались, какъ это сами не поняли: такъ просто дѣло являлось теперь. Что же было, невольно думалось при этомъ, когда онъ былъ молодъ, въ цвѣтъ силъ?!

Вспомнимъ его продолжительныя, торжественныя богослуженія! Какъ величественно раздавалось его слово! Какъ могущественно дѣйствовала на слушателей его пастырская рѣчь! Самое появленіе его въ храмъ уже производило назиданіе. Вспомнимъ его продолжительныя крестныя хожденія по стогнамъ Царственаго града—изъ одного конца въ другой. Какъ не утомлялся онъ, прошедъ такое поприще, еще совершать божественную литургію! Какъ доставало силъ послѣ литургіи часа два благословлять народъ подѣ палящими лучами іюльскаго солнца, затѣмъ утѣшить настоятеля своимъ посѣщеніемъ и потомъ снова благословлять народъ продолжительно, такъ что положительно дѣятельность продолжалась отъ утра до вечера. Что подкрѣпляло старческія силы? Лю-

бовъ къ народу воодушевляла и укрѣпляла его. Любилъ онъ благословлять народъ: „это,—говорилъ онъ,—дѣло святое“. Любилъ и народъ его. Толпы народа всегда окружали и тѣснили его. Народъ смотрѣлъ на него, какъ на отца и учителя Церкви, какъ на стойкаго защитника вѣры, какъ на хранителя православныхъ святыхъ преданій, какъ на преемника и ученика великаго Филарета. И не напрасно: онъ дѣйствительно таковъ былъ; онъ хранилъ святую вѣру, какъ зѣяицу ока. Его нельзя было подкупить словами: наука, прогрессъ: „въ наукѣ,—говорилъ онъ,—могутъ быть разногласія, въ дѣлѣ вѣры мы должны единими устами и единымъ сердцемъ славить пречестное и великолѣпное имя Божіе“; въ дѣлѣ вѣры онъ не поступался ни предъ кѣмъ своими убѣжденіями. Такимъ его знали вездѣ: и въ Курскѣ, и въ Казани, и въ Кишиневѣ, и въ Одессѣ, и въ Москвѣ. Когда Державная воля призвала его на кафедру св. Петра, въ Царствующій градъ Москву, явились къ нему богатые раскольники съ хлѣбомъ и солью. „Если вы,—сказалъ онъ имъ,—не хотите принять отъ меня благословенія, какое у меня можетъ быть общеніе съ вами? Не могу принять отъ васъ хлѣба и соли“. Такую твердость характера, такую стойкость убѣжденій дала ему старая академическая школа: двадцать лѣтъ онъ провелъ въ Академіи, четыре года студентомъ, шестнадцать учителемъ, инспекторомъ и ректоромъ. Это было золотое время нашей Академіи,—когда въ ней блистали своею ученостію и благочестіемъ такіе великіе мужи, какъ протоіереи: Петръ, Теодоръ и Александръ, архимандриты: Филаретъ, Евсеій, Евгений, а надъ ними царилъ великій Филаретъ митрополитъ. Въ постоянномъ общеніи съ такими людьми окрѣпъ духъ почившаго святителя.

Съ окончаніемъ курса почившаго совпало изданіе *Творений Св. Отецъ*. Никогда этотъ журналъ не стоялъ такъ высоко какъ въ первыя шестнадцать лѣтъ своего существованія, когда училъ въ Академіи и управлялъ Академіей почившій. Трудясь въ переводѣ *Св. Отецскихъ Творений* и постоянно изучая ихъ, онъ усвоилъ себѣ святоотеческіе взгляды на жизнь и сталъ образцовымъ монахомъ. Извѣстны начала монашества: уединеніе, постъ, молитва, совершенная нестяжательность, полное послушаніе своему начальству. Келлія собираетъ,—говорятъ добрые монахи; внѣ монастыря монахъ все равно, что рыба на сушѣ. И почившій въ теченіе первыхъ шести лѣтъ ни разу не посѣтилъ Москвы, несмотря на всю прелесть, какую имѣетъ Москва для ученаго монаха со своими святынями, со своими учеными сокровищами, вѣками собранными. Постъ почившій никогда ни для кого не нарушалъ: ни для знатныхъ персонъ духовнаго и свѣтскаго чина, ни для Высочайшихъ Особъ, посѣщавшихъ Лавру и удостоивавшихъ его приглашеніемъ къ столу. Онъ смѣло шелъ даже противъ обычаевъ цѣлой страны, если они не согласовались съ обычаями Православія. Онъ былъ строгимъ блюстителемъ устава, и когда уставъ что запрещалъ, онъ никогда не касался запрещенной свѣди. Запрещалъ уставъ рыбу,—онъ довольствовался елеемъ; запрещалъ елей,—онъ употреблялъ пищу безъ елея; запрещалъ вареное,—онъ довольствовался сухояденіемъ. И здѣсь причина его долготѣія и того, что онъ въ старости мастихой сохранилъ свѣтлый умъ и твердую волю. О нестяжательности его говоритъ то, что никогда ничего не заключалъ подѣ замокъ, во всей его комнатѣ не было замковъ; вѣроятно, беречь было нечего, потому что все, что онъ получалъ, разда-

валь бѣднымъ своимъ роднымъ и бѣднымъ вообще. Но онъ помогаль разумно: такъ, на мѣстѣ своей родины онъ построиль перковь и школу,—въ Кишиневѣ приютъ для бѣдныхъ дѣтей. Чтобы понять, какъ участливо относился онъ къ бѣднымъ, стоитъ прочесть слово при заложеніи храма въ городѣ Тулѣ, мѣстѣ его родины. О послушаніи его нечего говорить: всѣмъ извѣстна его преданность закону, и если кто что-либо мало-мало несогласное съ закономъ предлагаль ему, онъ строго говорилъ: „Вы хотите изъ послушника сдѣлать меня ослушникомъ закона; этого не будетъ“; на всякій мало-мальски недоумѣнный случай, который для другаго не представлялся бы такимъ, онъ смиренно испрашиваль разрѣшеніе у той власти, которой самъ былъ членомъ. Онъ любилъ монашество; но разрѣшалъ постриженіе въ монашество съ большою осторожностію: 30 лѣтъ, ни однимъ мѣсяцемъ меньше. „Вы рассмотрите хорошо метрическое свидѣтельство, — говорилъ онъ одному благочинному, — а то могутъ прибавить лѣта, да я и самъ посмотрю“, — и дѣйствительно посмотритъ. Даже окончившихъ курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи съ трудомъ разрѣшалъ постригать ранѣе 30 лѣтъ, а въ теченіе академическаго курса совсѣмъ запретиаль постригать: „Пусть лучше обдумываютъ этотъ важный шагъ, и вы внимательнѣе всматривайтесь въ нихъ, да и ко мнѣ представьте, я и самъ посмотрю“. Любилъ обителѣ, любилъ уединяться въ нихъ отъ суеты мірской, любилъ св. Лавру, гдѣ провелъ лучшіе годы своей жизни, гдѣ приняль постриженіе въ монашество, — любилъ Вианію и въ ней церковь Преображенія, гдѣ приняль благодать священства, — любилъ келію Филарета, любилъ пожить въ нихъ, чтобы подышать тѣмъ воздухомъ, которымъ дышаль приснопамятный святитель. Настоящая дѣйствительность мало удовлетворяла его, и нерѣдко задумывался онъ о судьбѣ Православія, о духовно-учебныхъ заведеніяхъ; вспоминая о временахъ приснопамятнаго Филарета, онъ отдыхаль душой. „Не такъ было при блаженной памяти Филаретѣ, — обыкновенно говорилъ онъ. — Да развѣ это могло быть при немъ“? Самая клевета, любящая чернить нашихъ архипастырей, не смѣла коснуться его; пыталась, было, и она чернить его, но не нашла себѣ пиши и потому скоро замолкла.

Таковъ былъ почившій, какъ человекъ, какъ священнослужитель, какъ монахъ. Таковъ онъ былъ и какъ правитель. Строгий къ себѣ, онъ требоваль строгаго исполненія закона отъ другихъ; его нельзя было подкупить фразами; онъ не любилъ фразъ: „Вы мнѣ говорите дѣло и правду“. И горе тому кто вздумаль бы обмануть его; обманъ отъ провицательности его не могъ укрыться. Онъ любилъ все знать, все самому дѣлать, и если гдѣ замѣчалъ злоупотребленіе, не старался скрыть его, но употребляль всѣ мѣры, чтобы пресѣчь зло. Совѣтниковъ у него не было, приближенныхъ тоже; онъ всѣхъ держаль въ почтительномъ отношеніи. „Строго взвѣшывайте совѣты другихъ, — говорилъ онъ молодому архипастырю, — а лучше молитесь Богу и поступите, какъ Богъ положилъ вамъ на сердце“... Онъ не только не приближалъ къ себѣ чужихъ; онъ никогда не принималъ въ свою епархію никого изъ своихъ родныхъ: „Средства мои для родныхъ, а епархія не для нихъ“. Тутъ онъ былъ неумолимъ; никакая просьба не могла смягчить его; даже примѣръ Филарета на него не дѣйствовалъ. „А развѣ Филаретъ мало терпѣль отъ родныхъ? — сказалъ онъ однажды. — Онъ самъ мнѣ жаловался; но что же мнѣ дѣлать? Не они ко мнѣ пришли, а я къ нимъ. При-

томъ и Филарету я не слѣпо подражаю“... Понятно, при такой стойкости характера, при такой требовательности, для многихъ онъ могъ казаться строгимъ, суровымъ. Но онъ былъ строгъ на словахъ, а когда нужно было отъ словъ перейти къ дѣлу, онъ удерживаль карающую руку. Строгость его была милость, благодѣяніе для насъ. Подъ видимою суровостію таилось нѣжное сердце, отзывчивое на чужое горе, терпѣливое, способное много переносить. И онъ, дѣйствительно, многое переносилъ. Правда, онъ сознательно скупъ былъ на похвалы, остороженъ въ наградахъ; но въдъ все это — суета. За то, желающій учиться — многому могъ поучиться у сего мудраго и многоопытнаго мужа. Мудро и осторожно правилъ онъ вѣренною ему паствою, и его мудрости церковь Московская обязана тѣмъ, что въ его правленіе она не знала никакихъ бурь и волненій. И теперь, смотря на сей гробъ, мы не можемъ не сказать: какое великое сокровище сокрыль онъ въ себѣ! какое богатство знанія, ума, опытности! Конечно, были и имъ недовольные, даже изъ тѣхъ, которымъ онъ благодѣтельствовалъ, но мы увѣрены, что потомство скажетъ о немъ: онъ достойно занималь кафедру своихъ великихъ предшественниковъ. Земная церковь долго будетъ оплакивать его; сами недовольные скоро пожалуютъ о немъ.

Помолимся о немъ, чтобы имя его, славное на землѣ, было славно и на небесахъ, было записано въ книзѣ животней. Добрымъ дѣламъ будемъ подражать; паче же всего будемъ хранить единеніе вѣры, свято хранить уставы Церкви. Если же кто знаетъ его прегрѣшенія (*нѣсть бо человекъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ*), такой да усугубитъ свои моленія къ Единому Безгрѣшному, чтобы Онъ простилъ ему прегрѣшенія, вмѣнилъ ему вѣру вмѣсто дѣлъ; ибо онъ несомнѣнно православно до послѣдняго издыханія вѣровалъ и исповѣдываль. Нынѣ прощенный день; мнѣ думается, что онъ изъ гроба сего всѣмъ намъ вопіетъ: благословите и простите меня и непрестанно о мнѣ молитесь Христу Богу, да не низведенъ буду по грѣхамъ моимъ на мѣсто мученія, но да вселитъ мя, идѣже свѣтъ животный.

Предъ гробомъ Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Сергія.

Разумѣши ли, яко взимаеть Господь днесь Господина твоего веруу славы твоея? Царствъ 2, 3.

О, какъ не разумѣть, яко взимаеть Господь днесь господина нашего, когда еще малое время — и мы уже не увидимъ и гроба сего, содержащаго его земное одѣяніе? И что сказать въ эти послѣднія минуты? Дерзну ли говорить о дѣяніяхъ въ Востѣ почившаго Архипастыря? Не достанетъ ли повѣствующу времени. (Евр. 11, 32). Попытаюсь ли начертать величавый образъ его — онъ еще какъ живой предъ всѣми... И какъ это сдѣлать? Если для полнаго пониманія великаго художника необходимо самому имѣть искру вдохновенія, тѣмъ болѣе для начертанія образа подвижника нужно самому быть причастну духа подвижническаго. Воистину почившій Архипастырь былъ подвижникомъ, совершивъ величайшій подвигъ — надъ самимъ собою, и тѣмъ освободивъ свой духъ отъ всего случайнаго, временнаго, страстнаго и достигши того возвышеннаго спокойствія и дивнаго равновѣсія духовныхъ силъ, которое ставитъ духъ въ господственное обладаніе всѣми своими силами, сообщая ему то ясновидѣніе, кото-

рое пронизательно отличаетъ свѣтъ отъ тѣни и въ преходящемъ прозираетъ вѣчное, — то мужественное самообладаніе, которое, утверждаясь на вѣковѣчныхъ неизблемыхъ основахъ, не страшится волнъ житейскаго моря. О, какъ еще живо припоминается этотъ ясный, твердый, спокойный взглядъ очей, эта умиленно кроткая и въ то же время властная рѣчь, изумительно точная, какъ-бы заранѣе глубоко продуманная — плодъ великаго опыта! — Этотъ, наконецъ, величавый обликъ, при внимательномъ взглядѣ на который, какъ волны о скалу, разбивался рабій страхъ и зарождалось сыновнее довѣріе и беззавѣтная преданность! И, при взглядѣ на святителя, не разъ въ очахъ души возникало видѣніе: высится до небесъ неизобразимой, вѣчной красоты, сіяющій чистотою, храмъ, вокругъ котораго бушуютъ волны, яростно бросаясь на могучій фундаментъ, грозя сокрушить его, и у вратъ храма, въ великомъ сонмѣ іерарховъ, стоящихъ на стражѣ его, — сей ветхій денми старецъ, спокойно взирающій на мятущіяся волны.

Да, ветхій денми, какъ-бы уже переступившій грань времени и вѣчности.... Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ уже во всеоружіи духовной мудрости. Сороковые годы! Какое далекое прошлое!... Шестидесятые годы! Смутные, тревожные семидесятые годы! Годы послѣдняго незабвеннаго царствованія! И изъ-за ряда эпохъ и событій встаетъ передъ нами все тотъ же неизмѣнный обликъ строгаго хранителя вѣковѣчныхъ церковныхъ преданій. Измѣнчивое, временное, какъ бы высоко ни вздымалось, переходитъ, вѣчное остается неизмѣннымъ... Да, временныя вѣянія не имѣли силы надъ тѣмъ, кто весь былъ обвѣянъ духомъ вѣковѣчной церковной святости.

Первопрестольной столицѣ Провидѣніе судило быть свидѣтельницей послѣднихъ годовъ жизни въ Бозѣ почившаго Архипастыря. Какое глубоко поучительное созерцаніе! Съ каждымъ годомъ ветшала его земная хранина, но тѣмъ яснѣе открывался созрѣвшій для вѣчности духъ. Видъ ветхаго денми говорилъ объ угасаніи земной жизни, но духъ мощно свидѣтельствовалъ о нестарѣющей вѣчности. Въ смиренномъ старцѣ — могучій образъ новаго человѣка по образу Создавшаго Его...

Говорить ли о чувствахъ, волнующихъ душу при разлукѣ съ тобою, возлюбленный святителю? Дозволить ли твоя скромность связать намъ, какъ говорили древніе русскіе люди при одной знаменательной разлукѣ: „Увы намъ, драгій господине нашъ! Уже къ тому не имамы видѣти красоты лица твоего, ни сладкихъ твоихъ словесъ насладитесь.... Горе тебѣ, бѣдный человѣче, како можеша написать кончину господина твоего?... Отца бо человѣкъ можетъ забыть, а добра господина не можетъ забыть“.

О, какъ мы были бы утѣшены, если бы, священная главо, воздвигшись, ты рекъ намъ: „Живъ Господь и жива душа твоя, аще оставлю тебе“! (Царствѣ, 11, 2).

Не остави насъ, благодный Архипастырю, и, представъ Судіи всѣхъ и Богу, вспомни чадъ своихъ, твоя же, много возлюбившая тебя, паства не забудетъ тебя въ своихъ молитвахъ!

„Отраднѣ“, — заключимъ наше слово словами приснопамятнаго святителя Филарета, — „отраднѣ вспоминать въ молитвѣ души, о которыхъ знаешь, что они зрятъ ко Господу, и въ Немъ сближаются съ нами, и Онъ одинъ вѣдаетъ, кто изъ двухъ болѣе благотворить другому, молящійся или просящій молитвы“!

Священникъ *М. Хитровъ*.

МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА.

Пятидесятилѣтнее служеніе въ санѣ священника. Въ воскресенье, 8 сего февраля, прихожане Введенской, въ бывшемъ Новинскомъ монастырѣ, церкви, съ благословенія въ Бозѣ почившаго Высокопреосвященнѣйшаго Сергія, Митрополита Московскаго, праздновали день 50-лѣтія священнослуженія своего отца духовнаго — протоіерея Θεодора Иоанновича Румянцова, ознаменовавъ сей знаменательный въ его жизни день поднесеніемъ ему золотого съ украшениями наперснаго креста.

Литургія въ сей день совершена была самимъ юбиляромъ соборнѣ, въ сослуженіи съ мѣстнымъ о. благочиннымъ — Власіевской церкви священникомъ Д. П. Некрасовымъ и членами попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, въ которомъ служить о. прот. Румянцевъ.

Во время причастнаго стиха самимъ юбиляромъ, сказано было слово о мирѣ и любви, которыя онъ съ самаго начала своего служенія и до сего времени водворялъ и водворяетъ въ своихъ прихожанахъ.

По окончаніи литургіи, всѣ священнослужашіе, къ которымъ присоединились и послѣ пришедшіе поздравить о. протоіерея, вышли изъ алтаря для совершенія благодарственнаго Господу Богу молебствія.

Предъ совершеніемъ молебствія, о. благочинный увѣдомилъ прихожанъ, что Его Высокопреосвященство благословилъ о. протоіерея Θ. І. Румянцова принять и носить жертвуемый ему прихожанами золотой съ украшениями наперсный крестъ, каковой и былъ поднесенъ прихожанами при теплыхъ искренне-сердечныхъ привѣтствіяхъ и благопожеланіяхъ. Молебствіе окончилось провозглашеніемъ обычныхъ многолѣтій съ присоединеніемъ такового и досточтимому юбиляру протоіерею Θεодору съ братією св. храма. Были принесены поздравленія и поднесены отъ мѣстнаго причта икона св. великомученика Θεодора, отъ содержателя золотошвейнаго заведенія г. Стрѣльцова икона Спасителя, риза котораго изящно вышита золотомъ въ его собственной мастерской, отъ сродниковъ икона св. великомученика Θεодора и св. мученицы Екатерины. Старѣйшій членъ Попечительства прот. М. Д. Глаголевъ привѣтствовалъ юбиляра отъ имени Попечительства, охарактеризовавъ дѣятельность его въ Попечительствѣ съ 1854 г.

Духовное торжество. 12-го сего февраля, въ день празднованія святителю и чудотворцу Алексію, въ каѳедральномъ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ покоятся нетлѣнные мощи святителя, литургію совершалъ преосвященный Нааинаилъ въ сослуженіи намѣстника Чудова монастыря архимандрита Товіа, съ братією монастыря. За богослуженіемъ пѣлъ хоръ Чудовскихъ пѣвчихъ. Храмъ былъ переполненъ молящимися. Въ продолженіе всего дня, до поздняго вечера, у раки святителя Алексія служились безпрерывно молебны.

Празднованіе иконѣ Богоматери Иверской. 12-го сего февраля совершалось празднованіе чудотворной иконѣ Богоматери Иверской. 11 февраля, наканунѣ празднованія чудотворной иконѣ Иверской Божіей Матери, въ часовнѣ Ея имени, что у Воскресенскихъ воротъ, о. настоятелемъ Николо-Перервинскаго монастыря архимандритомъ Викентіемъ съ братією часовни были совершены всенощная и молебствіе, при пѣніи Чудовскихъ пѣвчихъ. Масса молящихся переполняла часовню въ теченіе цѣлаго дня. Молебны